

...Сегодня здесь показаны работы ленинградских художников за зимний период 41—42 годов.

Все, что выставлено здесь, — только отдельные листки из походной, побывавшей под бомбежкой и снежным заносом записной книжки художников. Тут есть странички, уместающиеся в ладони, и о содержании которых можно рассказать только целой книгой. И есть страницы, которые видны целиком лишь с расстояния в несколько метров и содержание которых заключено в одном слове: человек. Взору посетителя богато представлены графика и живопись, гипс и отливки из какого-то металла, видимо, ненужного на войне.

Но эти вещи сделаны в теплой комнате с выбитыми окнами, завешанными ковром. Они написаны красками, которые не высохли, а затвердели от мороза, при копилках. Нужно было подолгу отогревать руки на этом подобии очага, чтобы они стали способны нанести очередной мазок. Это писали люди, предельно истощенные недоением, порою неизлечимо больные страшной болезнью блокады, — имя ее дистрофия. Некоторые из этих отличных мастеров так и не дожили до своего вернисажа. Они легли в мерзлую, плохо разрытую землю братской могилы. И их творения похожи на последнее «прости» родному городу, соравняеся с помертвевых губ...

Мне жаль, что нет тебя со

Леонид ЛЕОНОВ

«ПРОИЗВЕДЕНИЯ-РАНЫ, ПРОИЗВЕДЕНИЯ-УЛИКИ»

мною, читатель. Мы прошли бы с тобою по этим залам, где висят произведения-раны, произведения-улики. Ты увидел бы щербатый, искрошенный лик города-красавца, полонившего своими чарами всю русскую музыку и литературу. Ты обратил бы внимание на иссиня-белый колорит: снег, снег, снег. Вот он, весь в сугробах, расплывчатый и мглистый, бесконечно знакомый проспект, и как маяк ампирной красоты высится вдали прославленная Адмиралтейская игла... И люди с закаменелыми лицами движутся рядом с танками на фронт. Вот распахнутый взрывом дом на фоне бесстрастной громады Исаакия. Вот «Александровский столп» Пушкина перед Зимним дворцом, одетый в защитную от бомбежек деревянную одежду.

Гляди: партизаны обсуждают в землянке, за некрашенным столом, план ночной операции; вот летчики, стройные даже в своих меховых комбинезонах, по пояс в снегу, выводят на старт свою стальную птицу. Вот рабочие величайшего металлургического завода, который всегда был как железная рукавица на могучем кулаке России. Внимательно взглядишь в эти скромные,

совсем маленькие по масштабу фигурки, наскладанные жидкой тушью. Эти самые люди молча привязывали себя к станкам, чтобы не упасть от истощения в рабочее время.

Девушки, скользя на вывернутых балках, несут из разбомбленного здания раненого ребенка. Большого тащат на санках куда-то на санитарный пункт. Город в белой пелене инея и мороза; набережная, откуда Петр глядел в будущее своего государства. Мосты, эвакуация Эрмитажа, пустые рамы. Вот крыши города, как бы прижатые к земле воздушной тревогой. И рядом под развороченным бомбой потолком цеха люди в последний раз осматривают танки, готовые ринуться в ночной бой. Ледяные сталактиты, обширные помещения, смело поставленные источники света придают этой работе монументальную значительность. Здесь же масляные эскизы картин, которые не будут написаны никогда. Вот их автор, худой и очень суровый ленинградский человек, не выпустивший кисти из своих синих от холода рук. Гитлер убил его блокадой в зиму 1942 года...

5 октября 1942 года.

«Сов. культура», 1975, 7 сент.